

На правах рукописи

ВЕРШИНИНА Светлана Ивановна

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ В УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА
И МЕХАНИЗМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ**

12.00.09 – Уголовный процесс

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Тольятти – 2017

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Тольяттинский государственный университет» на кафедре уголовного права и процесса.

Научный консультант: доктор юридических наук, профессор **Корнуков Владимир Михайлович.**

Официальные оппоненты:

Азаров Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», кафедра уголовного процесса и криминалистики, профессор;

Григорьев Виктор Николаевич, доктор юридических наук, профессор, Международный межведомственный центр подготовки сотрудников оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции А.Н. Сергеева федерального государственного казенного учреждения дополнительного профессионального образования «Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации», кафедра противодействия незаконному обороту наркотиков, профессор;

Цоколова Ольга Игоревна, доктор юридических наук, профессор, федеральное государственное казенное учреждение «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел России», первый заместитель начальника.

Ведущая организация: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону.

Защита состоится «30» марта 2018г. в 13.30 час. на заседании диссертационного совета Д 212.215.09 на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» по адресу: 443011, г. Самара, ул. Академика Павлова, 1, зал заседаний.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» http://www.ssau.ru/resources/dis_protection/vershinina/

Автореферат разослан «___» _____ 2017 года.

Ученый секретарь диссертационного совета Д 212.215.09

Денисова А.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Провозглашая права и свободы человека высшей ценностью, Конституция РФ, тем не менее, допускает возможность их ограничения в той мере, в какой это необходимо для обеспечения прав и свобод других лиц, интересов общества и государства. Для уголовного процесса, в рамках которого непосредственно сталкиваются интересы государства, обеспечивающего уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания, и интересы отдельного человека, вовлекаемого в судопроизводство и подвергаемого различным ограничениям, это положение приобретает особое значение. Не случайно в международной юридической практике установилось правило, согласно которому в национальном законодательстве государства «должен быть установлен справедливый баланс между потребностями, вытекающими из общих интересов общества, и необходимостью защиты основных прав человека»¹. От того, насколько уравновешены эти интересы, насколько они сочетаемы и сбалансированы, зависит не только эффективность публичной деятельности, но и ее общественная значимость и социальная полезность.

В уголовном судопроизводстве определить такой баланс в соотношении публичных и личных интересов достаточно сложно, поскольку в большинстве случаев необходимость ограничения прав и свобод человека в указанной сфере возникает в связи с предположением о его возможном противоправном поведении. Кроме того, сама система мер процессуального принуждения, её структурирование и нормативно-правовое оформление, а также формализованный порядок применения указанных мер, предусмотренный действующим законодательством, далеки от совершенства и не всегда способны обеспечить строгое соблюдение обозначенной конституционной парадигмы. Подтверждением тому является практика применения государственного принуждения в уголовном судопроизводстве, которая стабильно из года в год демонстрирует примеры существенных нарушений прав человека и дает основания для обращения граждан в Европейский Суд по правам человека². Попытки законодателя исправить положение путем решения отдельных частных вопросов правоприменения в этой сфере не устраняют и не могут устранить обозначенную проблему, потому что причина данного явления значительно глубже. Она коренится в некорректной научно-практической трактовке юридической природы и соответственно, в системно-противоречивой нормативно-правовой организации государственного принуждения в уголовном судопроизводстве.

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Гладышева против России» от 6 декабря 2011 г. // Официальный сайт Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/ru/node/2624> (дата обращения: 10.07.2015 г.).

² Приложение № 5 к докладу о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2014 и 2015 годы: Перечень постановлений Европейского Суда по правам человека, в связи с которыми необходимо внесение изменений в законодательство РФ (по состоянию на 20 августа 2015 г. и 20 августа 2016 г.) // http://www.pravo.gov.ru/export/sites/default/other_documents/doklad_po_MP_2015.pdf.

В современной юриспруденции правовой характер принуждения, применяемого в уголовном судопроизводстве, признается всеми учеными и практиками. Однако государственное принуждение определяется и исследуется не как системная целостность определенных взаимосвязанных, взаимообусловленных правовых норм, а в виде совокупности отдельных фрагментов норм, именуемых санкциями, с содержащимися в них принудительными мерами. При таком подходе нормативно-правовая сущность государственного принуждения, если и не выхолащивается полностью, то значительно принижается, утрачивая первостепенную значимость в процессе законодательной регламентации как самой системы мер уголовно-процессуального принуждения, так и деятельности по их реализации. Между тем, в основе всех правовых конструкций, в том числе тех, которые используются в законе для выделения конкретных мер уголовно-процессуального принуждения, лежат правовые нормы, посредством которых формулируются эти меры, определяются основания и порядок их применения. Указанные нормы разнохарактерны и довольно разнообразны. Они отличаются не только по содержанию и назначению, но и по нормативно-структурному выражению. Данный фактор должным образом не учитывается и не может учитываться ни при осуществлении деятельности по совершенствованию действующего законодательства, ни в процессе правоприменения, основанных на традиционных представлениях государственного принуждения как совокупности санкций, содержащих конкретные, обозначенные в законе меры принудительного характера.

Неправильное понимание правовых норм и институтов уголовно-процессуального принуждения, искаженное представление об их государственно-принудительном воздействии приводит к дефектному правовому регулированию принудительного воздействия в уголовном процессе и, как следствие – к ошибкам в правоприменительной деятельности. Все это обуславливает необходимость нового системно-обстоятельного исследования правовой природы государственного принуждения и его регламентации в уголовно-процессуальном законодательстве. Изложенное предопределило выбор темы диссертационной работы и необходимость исследования в ней общетеоретических проблем в той мере, в какой это требуется для выявления нормативно-правовой природы государственного принуждения в уголовном судопроизводстве и изучения механизма его функционирования.

Степень разработанности темы. Сущность и основные признаки принуждения исследовались в трудах российских и зарубежных ученых: С.С. Алексеева, Б.Т. Базылева, И. Бентама, Г.Д. Бермана, Ж.Л. Бержель, С.Н. Братуся, М. Вебера, Т. Гоббса, В.М. Гессена, О.С. Иоффе, И. Канта, Л.И. Каск, К. Локка, Н. Макиавелли, С.Н. Кожевникова, О.Э. Лейста, И. Ребане, В.В. Серегиной, М.Д. Шаргородского, А. Шопенгауэра и других авторов, занимавшихся изучением теории государства и права. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве достаточно широко исследовалось как в теоретическом, так и в узкоотраслевом аспекте. Обстоятельному анализу

отдельные вопросы уголовно-процессуального принуждения были подвергнуты в работах В.А.Азарова, Л.Б. Алексеевой, О.И. Андреевой, В.П. Божьева, Б.Б. Булатова, В.Н. Ветровой, В.Н. Григорьева, И.М. Гуткина, З.Д. Еникеева, З.З. Зинатуллина, Л.М. Карнеевой, З.Ф. Ковриги, В.М. Корнукова, Ф.М. Кудина, Э.Ф. Куцовой, А.М. Ларина, Ю.Д. Лившица, П.А. Lupинской, В.Ю. Мельникова, В.А. Михайлова, И.Л. Петрухина, В.М. Савицкого, М.С. Строговича, М.А. Чельцова, В.С. Чистяковой, В.С. Шадрина, С.А. Шейфера, П.С. Элькинд и других ученых-процессуалистов.

Ряд авторов свое внимание фокусировали на отдельных мерах процессуального принуждения. Об этом, в частности, писали А.С. Барабаш, А.Д. Буряков, Е.Г. Васильева, С.Н. Воробей, И.Ф. Демидов, Д.Р. Исеев, Н.И. Капинус, Н.Н. Ковтун, В.В. Николюк, Д.С. Пикельный, А.А. Рукавишников, В.В. Смирнов, Н.В. Ткачева, О.И. Цоколова, А.Н. Чашин, А.В. Черенков и другие. Исследованием института мер пресечения занимались Л.К. Айвар, Я.Ю. Бурлакова, Э.Р. Галимов, И.В. Головинская, В.П. Громов, С.И. Данилова, Г.В. Костылева, Р.М. Муртазин, Ю.Г. Овчинников, Р.В. Орлов, Ю.Б. Плоткина, К.В. Попов, В.П. Проценко, З.Х. Шагиева, Р.З. Шамсутдинова, И.М. Хапаев, О.В. Химичева и другие авторы.

Вопросы теории уголовно-процессуального принуждения исследовались и на диссертационном уровне. Успешно защищены докторские диссертации: Б.Б. Булатов «Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве» (2004 г.); Э.К. Кутуев «Уголовно-процессуальное принуждение в досудебных стадиях» (2004 г.); О.И. Цоколова «Теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в уголовном процессе» (2007 г.); В.Ю. Мельников «Обеспечение и защита прав человека при применении мер процессуального принуждения в досудебном производстве РФ» (2014 г.). За период с 2001 г. значительное количество ученых защитили кандидатские диссертации, посвященные отдельным видам или группам мер принуждения: О.В. Баландюк, Н.В. Бушная, А.В. Величко, А.Е. Григорьева, Д.А. Долгушин, С.В. Колоскова, Н.Г. Нарбикова, Р.В. Орлов, В.Ю. Петрикин, А.А. Резяпов, В.А. Светочев, М.И. Селин, А.В. Струков, Л.М. Фетищева, А.А. Чуниха, С.В. Шевелева и др. Все указанные работы, так или иначе, способствовали формированию научной доктрины государственного принуждения в уголовном судопроизводстве. Но признать данную задачу решенной нельзя, потому что теоретико-правовая модель государственного принуждения в уголовном судопроизводстве, базирующаяся на всестороннем анализе нормативно-правовой природы этого явления, до сих пор не создана.

Не получил должного освещения в науке уголовного процесса и механизм функционирования уголовно-процессуального принуждения, хотя отдельные вопросы применения указанных мер в определенной степени освещались в работах В.П. Божьева, Г.Н. Ветровой, И.Д. Гайнова, А.В. Гриненко, О.В. Девятова, Г.И. Загорского, Л.Б. Зусь, Л.М. Карнеевой, Л.Д. Кокорева, Н.А. Колоколова, И.Н. Кондрат, И.В. Кутюхина, В.А. Лазаревой, А.М. Ларина, П.А. Lupинской, Ю.А. Ляхова, Н.Д. Муратовой,

Н.Н. Полянского, М.С. Строговича, В.А. Михайлова, И.Л. Петрухина, О.Р. Халфиной, В.Д. Холоденко, С.С. Цыганенко, П.С. Элькинд и других авторов. Отдельного внимания в этом плане заслуживает докторская диссертация А.С. Бахта, посвященная «созданию авторской концепции использования на теоретическом, законодательном и правоприменительном уровне механизма уголовно-процессуального регулирования»³, защищенная в 2011 году. Безусловно указанные ученые внесли значительный вклад в разработку данной проблематики, которая при этом не только не исчерпала себя, но и существенно актуализировалась, в связи с необходимостью создания цельной системно-концептуальной модели функционирования уголовно-процессуального принуждения, учитывающей специфику его структурно-нормативной природы.

Объектом исследования являются общественные отношения, обусловленные необходимостью применения принудительного воздействия и реализации мер процессуального принуждения в сфере уголовного судопроизводства.

Предмет исследования составляют нормы уголовно-процессуального, уголовного, административного права, посредством которых осуществляется правовая регламентация государственного принудительного воздействия в досудебном и судебном производстве по уголовным делам, а также доктринальная трактовка указанных норм и практика их применения.

Цели и задачи исследования. Целью диссертационной работы является разработка научной концепции, отражающей нормативно-правовую сущность государственного принуждения в уголовном судопроизводстве и создание теоретической модели ее реализации в уголовно-процессуальном законодательстве и в правоприменительной деятельности.

Указанная цель предопределила решение следующих **задач**:

- дать общую характеристику государственного принуждения в уголовном судопроизводстве; провести его теоретико-правовой анализ;
- обосновать детерминированность государственного принуждения в уголовном судопроизводстве и его отраслевые особенности;
- раскрыть нормативно-правовую сущность уголовно-процессуального принуждения;
- проанализировать структуру и содержание норм процессуального принуждения с учетом их видовых различий;
- исследовать уголовно-процессуальный закон как источник норм процессуального принуждения;
- раскрыть механизм функционирования государственного принуждения в уголовном судопроизводстве и его общие закономерности;
- охарактеризовать субъектов уголовно-процессуальных отношений, возникающих при применении мер процессуального принуждения;

³ Бахта А.С. Механизм уголовно-процессуального регулирования.: автореферат дисс. ... докт. юр. наук. М., 2011.

- проанализировать систему мер процессуального принуждения, применяемых к подозреваемым и обвиняемым, и определить перспективы ее совершенствования;
- проанализировать систему мер процессуального принуждения, применяемых к другим участникам уголовного судопроизводства, и определить перспективы ее совершенствования.

Научная новизна диссертации определяется, прежде всего, нетрадиционным подходом к избранной проблематике, существенно обновленным набором и сочетанием приемов и методов ее исследования, позволяющим рассматривать и изучать государственно-правовое принуждение в виде относительно обособленной совокупности правовых норм, обеспечивающих государственно-принудительное воздействие в сфере правоприменения. Впервые в науке уголовно-процессуального права государственное принуждение в уголовном судопроизводстве подвергнуто исследованию и представлено под углом зрения его нормативно-правовой сущности. На основе нормативно-правовой трактовки сущности государственного принуждения разработана авторская концепция организации и функционирования принуждения, используемого в уголовном судопроизводстве, и предложены модельные варианты ее реализации в правотворческой и правоприменительной деятельности.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Теоретическая значимость исследования обусловлена концептуальностью и достоверностью выводов и положений, содержащихся в диссертации, которые обогащают не только уголовно-процессуальную науку, но и общую теорию права, исследующую данные вопросы в межотраслевом аспекте. Введены в научный оборот новые понятия и категории, получившие теоретическое обоснование в тексте работы. Положения о нормативно-правовой сущности организации государственно-правового воздействия открывают новые перспективные направления в исследовании других институциональных компонентов уголовно-процессуального и иных отраслей права.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности использования положений диссертации и полученных в ходе ее выполнения выводов для совершенствования уголовно-процессуального законодательства, в том числе при подготовке законопроектов, регулирующих применение мер процессуального принуждения в сфере уголовного судопроизводства. Сделанные автором рекомендации могут быть использованы при подготовке ведомственных разъяснений и указаний о порядке и особенностях применения конкретных мер принуждения на различных стадиях судопроизводства. Особую значимость исследованию придают содержащиеся в диссертации алгоритмы процессуальных действий, гарантирующие законное и обоснованное применение мер принуждения в практической деятельности.

Материалы диссертационного исследования могут быть использованы в процессе подготовки юристов в высших учебных заведениях при преподавании

дисциплин «Уголовный процесс», «Уголовно-процессуальное принуждение», «Предварительное расследование» и других курсов уголовно-процессуальной направленности.

Методология и методы исследования. Методологической основой диссертационного исследования выступает совокупность философских, общенаучных и специально-юридических методов исследования. В их числе философское учение о понятии и сущности, содержании и форме, единстве и борьбе противоположностей, статике и динамике социальных и правовых явлений, рассматриваемых в качестве сложных систем, подлежащих изучению на микро- и макроуровнях. При проведении исследования в разном соотношении применялись общенаучные и специально-юридические методы познания: анализ и синтез, индукция и дедукция, системный подход, метод теоретического моделирования, статистический и социологический методы, историко-правовой, сравнительно-правовой, метод юридической интерпретации и формально-юридический методы познания.

Нормативную основу диссертационного исследования составляют международные нормативно-правовые акты в сфере охраны и защиты прав и свобод человека при осуществлении уголовного преследования, Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные и федеральные законы, а также иные действующие нормативно-правовые акты, связанные с предметом исследования. Изучению и анализу подверглись нормативно-правовые акты, регламентировавшие уголовно-процессуальную деятельность в России в XIX–XX вв., прежде всего Устав уголовного судопроизводства 1864 г., Положение о военных следователях 1919 г., УПК РСФСР 1922, 1923 и 1960 гг., Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года и др. Проанализировано действующее и утратившее силу уголовно-процессуальное законодательство отдельных зарубежных стран. Доктринальное толкование уголовно-процессуальных норм осуществлялось с учетом правовых позиций и рекомендаций Европейского Суда по правам человека, Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, выраженных в соответствующих судебных актах.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили научные труды российских и зарубежных ученых – теоретиков права, специалистов в области уголовно-процессуального права, конституционного и административного права, современные концепции и достижения философии, логики, психологии, социологии и других наук, изучающих и объясняющих закономерности деятельности человека. Значительное внимание уделено судебной практике Европейского Суда по правам человека, Конституционного Суда РФ и решениям российских судов общей юрисдикции.

Эмпирическую основу исследования составили объективные данные, полученные в период с 2001 по 2017 гг. в результате анкетирования 340 сотрудников органов расследования и прокуратуры, 115 судей и 200 адвокатов; результаты изучения 1000 уголовных дел, материалов и надзорных производств, находящихся в архивах федеральных судов, следственных органов и органов прокуратуры Самарской, Саратовской и

Ульяновской областей; эмпирические данные, содержащиеся в трудах других исследователей; сведения статистического характера, представленные на официальных сайтах: Интернет-портале правовой информации, Генеральной прокуратуры РФ (Портал правовой статистики), Министерства внутренних дел РФ, Верховного Суда РФ, Судебного Департамента при Верховном Суде РФ, Уполномоченного по правам человека РФ, а также на сайтах федеральных судов общей юрисдикции. Использован личный опыт работы следователем в Следственном отделе УВД г. Тольятти Самарской области и адвокатом – в Палате адвокатов Самарской области.

Положения, выносимые на защиту. На защиту выносятся следующие основные положения, отражающие авторскую концепцию нормативно-правового понимания уголовно-процессуального принуждения и механизма его функционирования.

1. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве (уголовно-процессуальное принуждение) как определенная система способов и средств принудительного воздействия находит свое выражение в обособленной, относительно самостоятельной совокупности норм уголовно-процессуального права, посредством которых осуществляется принудительное воздействие на участников процесса в целях исполнения возложенных на них процессуальных обязанностей и обеспечения надлежащего выполнения задач уголовного судопроизводства.

2. Выступая в качестве объекта научного познания, уголовно-процессуальное принуждение подлежит изучению в трех плоскостях и на трех взаимосвязанных и согласованных между собой исследовательских уровнях:

- 1) теоретико-правовом (как теоретическая конструкция);
- 2) нормативно-правовом (как нормативно-правовое образование);
- 3) эмпирическом (как совокупность мер принуждения).

Выделенные аспекты исследования уголовно-процессуального принуждения позволяют раскрыть его с разных сторон, акцентируя внимание на модификациях его формы и содержания и, как следствие, – на специфичности проявления этого объекта на том или ином уровне.

3. Сфера и пределы применения процессуального принуждения должны законодательно определяться и согласовываться с задачами уголовного судопроизводства, которые включают в себя защиту публичных и частных интересов от преступных посягательств посредством быстрого и полного раскрытия совершенных преступлений, уголовного преследования и наказания лиц, виновных в их совершении. Поскольку решение этих задач предполагает возложение на участников, вовлекаемых в уголовное судопроизводство соответствующих процессуальных обязанностей, постольку исполнение этих обязанностей должно обеспечиваться мерами принудительного воздействия.

4. С точки зрения нормативно-правовой природы уголовно-процессуальное принуждение предстает в виде системной совокупности норм уголовно-процессуального права, определяющих меры принуждения, условия и порядок их применения. Указанные нормы предлагается именовать нормами

процессуального принуждения. Доказано, что такие нормы, как и другие нормы уголовно-процессуального права, являются логико-юридическими конструкциями, структурно состоящими из взаимосвязанных, согласованных между собой элементов (гипотез, диспозиций и санкций), содержащих правовые (законодательные) предписания, устанавливающие вид, объем, характер, условия и порядок применения государственного принудительного воздействия к участникам уголовного судопроизводства.

5. Структурные элементы норм процессуального принуждения, их количественная и качественная организация обусловлены спецификой используемого вида государственного принуждения: превентивного, пресекающего, восстановительного или наказательного (штрафного). Нормы принуждения, содержание которых составляет превентивное или пресекающее принуждение, имеют двухэлементную структуру: 1) гипотезу, определяющую основания и условия применения мер принуждения; 2) двухсоставную диспозицию, первая часть которой закрепляет полномочия должностного лица на применение мер принуждения, а вторая – обязанность субъекта принуждения подвергнуться принудительному воздействию. Данные нормы предстают в виде регулятивных норм принуждения.

Нормы, содержащие восстановительное или наказательное (штрафное) принуждение, состоят из трех элементов, организованных в следующей последовательности: 1) односоставная диспозиция, закрепляющая модель противоправного деяния; 2) гипотеза, определяющая порядок и условия реализации санкции; 3) санкция, устанавливающая меру воздействия. Указанные нормы предложено именовать охранительными нормами принуждения. Учитывая материальный характер охранительных норм принуждения, их реализация в практической деятельности обуславливает наличие «обслуживающих» процессуальных норм.

6. Нормативная организация уголовно-процессуального принуждения предполагает наличие механизма правового регулирования, который предстает в виде необходимой и достаточной совокупности правовых средств, способов и приемов, используемых законодателем для придания процессуальным отношениям последовательного, стабильного, планомерного характера, обеспечивающего установленный порядок производства по уголовным делам и достижение целей судопроизводства. Структурные и содержательные особенности норм принуждения обусловили наличие двух механизмов правового регулирования: механизма правового регулирования регулятивных отношений и механизма правового регулирования охранительных отношений.

7. Механизм правового регулирования не следует смешивать с механизмом функционирования норм права, посредством которого обеспечивается практическое применение мер принуждения в уголовном судопроизводстве. Назначением последнего является эффективная реализация соответствующих норм уголовно-процессуального права: норм, непосредственно содержащих меры принуждения, и норм, закрепляющих процессуальные права участников судопроизводства, гарантированные Конституцией РФ и отраслевым

законодательством. Взаимосвязь выделенных норм, отчетливо проявляемая на эмпирическом уровне исследования, свидетельствует о существовании единой, юридически целостной конструкции – механизма функционирования принуждения, гарантирующего применение принудительного воздействия к участникам судопроизводства в условиях обеспечения и защиты их прав, свобод и законных интересов.

8. Различия в структуре и содержании уголовно-процессуальной деятельности позволяют выделить несколько форм применения (реализации) норм процессуального принуждения:

- упрощенная форма, используемая при реализации превентивных и пресекательных норм принуждения, посредством вынесения устного правоприменительного акта (процессуального решения) органами расследования и/ или судом (судьей);

- основная форма, используемая при реализации превентивных и пресекательных норм принуждения, посредством вынесения письменного правоприменительного акта (процессуального решения) органами расследования и/ или судом (судьей);

- контрольная форма, используемая при реализации превентивных и пресекательных норм принуждения, содержащих меры воздействия, ограничивающие конституционные права и свободы человека, посредством вынесения двух письменных правоприменительных актов: постановления органа расследования о применении меры принуждения и судебного решения, подтверждающего законность принятого решения;

- исключительная форма, используемая только судом (судьей) при реализации материальных охранительных норм принуждения, посредством вынесения письменного правоприменительного акта (судебного решения).

9. С учетом различий субъектов принуждения предложено реструктуризировать раздел IV УПК РФ. Во-первых, разделить его на две части: в первой части регламентировать меры принуждения, применяемые в отношении подозреваемых, обвиняемых и осужденных (первая группа субъектов принуждения); во второй – меры принуждения, применяемые к остальным участникам уголовно-процессуальной деятельности (вторая группа субъектов принуждения). Во-вторых, определить вариативные (видовые) пределы допустимого принудительного воздействия к участникам процесса с учетом обозначенных выше групп. Предусмотреть возможность применения в отношении субъектов первой группы мер превентивного, пресекательного и восстановительного принуждения; в отношении субъектов второй группы – мер пресекательного принуждения и мер процессуальной ответственности.

10. Система мер принуждения, применяемых к подозреваемым и обвиняемым, должна выстраиваться с учетом вида (превентивный, пресекательный и восстановительный) и способа (психологический, имущественный и физический) государственного воздействия, процессуального статуса субъекта принуждения (общий и специальный) и обеспечивать исполнение процессуальных обязанностей при минимальном ограничении прав

и свобод этих участников, посредством закрепления в одной классификационной группе принудительных мер различной степени строгости:

- общие превентивные меры: меры психологического воздействия (обязательство о явке; подписка о невыезде); меры имущественного воздействия (имущественное поручительство; залог); меры физического воздействия (домашний арест, заключение под стражу);

- специальные превентивные меры (присмотр за несовершеннолетним обвиняемым; наблюдение командования воинской части; временное отстранение от должности);

- меры принуждения, направленные на прекращение ненадлежащего поведения (привод, задержание, предупреждение, удаление из зала судебного заседания; изменение меры пресечения);

- меры принуждения, обеспечивающие возмещение ущерба (наложение ареста на имущество; взыскание процессуальных издержек) (вариант нормативно-правового оформления этого предложения содержится в тексте диссертации).

11. Действующая конструкция правового регулирования задержания лица с целью выяснения его причастности к совершенному деянию, допускающая отождествление процессуального задержания с фактическим, противоречит логике правового регулирования и создает сложности в правоприменительной деятельности. Решение этой проблемы видится в юридическом разграничении фактического и уголовно-процессуального задержания путем закрепления их в качестве самостоятельных обособленных видов правового задержания, соответственно, в Федеральном Законе «О полиции» и в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (вариант нормативно-правового оформления этого предложения содержится в тексте диссертации).

12. Уголовно-процессуальное задержание следует определять как кратковременное, до 48 часов, ограничение свободы лица, осуществляемое органом дознания, дознавателем, следователем в отношении подозреваемого, обвиняемого в целях: 1) предупреждения его сокрытия и создания условий для установления его личности и/ или решения вопроса о применении к нему меры пресечения, если подозреваемый, обвиняемый при его доставлении оказывал сопротивление и/ или пытался скрыться от сотрудников полиции, не имеет постоянного места жительства либо его личность не установлена; 2) обеспечения участия подозреваемого, обвиняемого в судебном заседании, рассматривающем ходатайство о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, если имеются основания для его заключения под стражу. В связи с возникновением необходимости применения задержания к другим, помимо подозреваемого и обвиняемого, субъектам процесса, обусловленного наличием существенно отличающихся обстоятельств производства этого действия (розыск, экстрадиция и т.д.), предлагается отдельно регламентировать в законе основания, условия и порядок задержания лица, объявленного в розыск, осужденного, а также лица, подлежащего выдаче

(вариант нормативно-правового оформления этих предложений содержится в тексте диссертации).

13. Нуждается в процессуальном преобразовании система мер принуждения, применяемых в отношении других участников уголовного судопроизводства, не заинтересованных в противодействии органам расследования и суду. К мерам принуждения, направленным на прекращение их противоправного поведения, следует отнести: привод, предупреждение, удаление из зала судебного заседания. К мерам процессуальной ответственности – наложение денежного взыскания. Использование мер превенции в отношении данных участников процесса не уместно, за исключением лиц, несущих по закону материальную ответственность за вред, причиненный преступлением, в части наложения ареста на их имущество.

14. Кроме изложенного предлагается:

1) в целях ограничения следственного и судейского усмотрения, уменьшения вероятностного характера оснований применения мер пресечения (глава 13 УПК РФ) дополнить статью 97 УПК РФ новой частью следующего содержания: «Под достаточными основаниями применения мер пресечения понимаются сведения (доказательства), полученные из предусмотренных законом источников, которые подтверждают наличие либо отсутствие обстоятельств, обуславливающих наступление событий, перечисленных в части 1 настоящей статьи. Указанные доказательства подлежат сбору, проверке и оценке в порядке, установленном настоящим кодексом, и отражаются в процессуальном решении о применении, изменении или отмене меры пресечения». Ввиду существенных отличий обстоятельств, обуславливающих применение мер пресечения к обвиняемым (подозреваемым), осужденным и к лицам, подлежащим выдаче, следует на законодательном уровне разграничить основания и порядок применения мер пресечения в отношении указанных субъектов;

2) в целях упорядочения обеспечения исполнения процессуальных обязанностей участниками следственных действий изложить ч. 7 ст. 164 УПК РФ в следующей редакции: «При нарушении порядка производства следственного действия и неподчинении участвующих в нем лиц распоряжениям дознавателя, следователя нарушитель предупреждается о недопустимости такого поведения и возможности применения к нему мер принуждения, в том числе физической силы»;

3) добавить в статью 164 УПК РФ часть 7.1 следующего содержания: «Для преодоления физического противодействия при производстве следственного действия следователь вправе привлечь к участию в следственном действии должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, о чем делается соответствующая отметка в протоколе с указанием оснований и вида применяемого принуждения. Вид, объем и порядок применения принудительного воздействия при производстве следственного действия регулируется Федеральным Законом «О полиции».

Степень достоверности полученных результатов. Достоверность выводов и результатов, представленных в диссертации, обусловлена научной методологией исследования, использованием в работе фундаментальных исследований ведущих ученых из области теории права, уголовного процесса и других отраслевых наук; значительным объемом другой литературы; анализом достаточно объемного эмпирического материала, изученного в процессе проведения исследования, а также апробацией выводов диссертации на научных и научно-практических конференциях различного уровня.

Апробация результатов исследования проходила в форме обсуждения на международных и российских научных и научно-практических конференциях, круглых столах и семинарах, таких как «Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории законодательства и практики применения (к 5-летию РФ)», МГЮА, 16–17 ноября 2006 г.; «Актуальные проблемы правосудия в современном мире», Уральский филиал Российской академии правосудия, 26 марта 2010 г.; «Уголовная юстиция: связь времен», РГПУ им. А.И.Герцена, 6–8 октября 2010 г., С.-Петербург; «Проблема правосубъектности: современные интерпретации», Самарская гуманитарная академия, 25 февраля 2011 года, г. Самара; «Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика», Юго-Западный государственный университет, 11–13 апреля 2013 г., г. Курск; «Уголовная политика и правоприменительная практика», Северо-Западный филиал Российской академии правосудия, 1 ноября 2013 г., С.-Петербург; «Права человека и правоохранительная деятельность», Академия МВД Республики Беларусь, 13 декабря 2013 г., г. Минск, Республика Беларусь; «Актуальные проблемы обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве» (в честь 75-летнего юбилея профессора В.М. Корнукова), Тольяттинский государственный университет, 16 апреля 2014 г., г. Тольятти; «Актуальные проблемы современного уголовного судопроизводства России» (в честь 90-летнего юбилея профессора С.А. Шейфера), СамГУ, 29–30 января 2015 г., г. Самара; «Актуальные проблемы уголовно-процессуального права и криминалистики», СамГУ, 20–21 октября 2016 г., г. Самара; Парламентские слушания Комитета Совета Федерации РФ по конституционному законодательству и государственному строительству на тему: «15 лет со дня принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: стратегия совершенствования уголовного правосудия», г. Москва, 20 декабря 2016 г.; Круглый стол Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству совместно с уполномоченным по правам человека в Российской Федерации на тему: «Совершенствование порядка освобождения от отбывания наказания в связи с тяжелой болезнью», г. Москва, 31 марта 2017 г.; Парламентские слушания Комитета Совета Федерации РФ по конституционному законодательству и государственному строительству: «15 лет со дня введения в действие УПК РФ: опыт межведомственного мониторинга реформы уголовного правосудия 2001-

2003 годов», г.Москва, 29 июня 2017 г., а также в опубликованных научных статьях и монографиях по теме исследования.

По теме диссертационного исследования опубликовано 62 научные работы, в том числе 23 статьи в журналах, рекомендованных ВАК; издано 5 монографий. Основные результаты диссертационного исследования с 2010 года внедрены в учебный процесс Института права Тольяттинского государственного университета и юридического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева.

Структура диссертации определяется поставленными целями и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, включающих двадцать параграфов, заключения и библиографического списка.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении излагаются актуальность выбранной темы; степень ее теоретической разработанности; цель и задачи исследования; научная новизна выводов; теоретическая и практическая значимость работы; методология и методы исследования; положения, выносимые на защиту; степень достоверности и апробация результатов.

Первая глава – «Общая характеристика государственного принуждения в уголовном судопроизводстве» – состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе – «Методологические основы исследования государственного принуждения в сфере правового регулирования» – автор исходит из того, что государственное принуждение, выраженное в нормах права, гарантирует обязательность правовых предписаний, устанавливающих правопорядок в одной, отдельно взятой сфере деятельности. При этом правопорядок может быть обеспечен и без применения мер принуждения, на основе одного лишь убеждения субъектов. Такие свойства государственного принуждения, как легальность, нормативность, функциональность и отраслевая принадлежность, характеризуют его с двух сторон. С формальной стороны – как правовое явление, занимающее определенное место в системе отраслевого права. С содержательной стороны – как совокупность многочисленных видов и способов принудительного воздействия, в большей или меньшей степени ограничивающих права и свободы субъектов права.

В связи с этим методологическую основу исследования составляет тезис о единстве формы и содержания государственного принуждения, выраженного в нормах права. При этом диссертант выделяет два аспекта в исследовании государственного принуждения как правового явления – его статику и динамику. В статическом состоянии государственное принуждение представляется совокупностью правовых норм, регулирующих вид, объем и порядок принудительного воздействия в конкретной сфере деятельности. Динамика государственного принуждения наблюдается в деятельности

государственных органов по применению мер принуждения к конкретным субъектам.

Изучение государственного принуждения с обозначенных позиций раскрывает полисистемность государственного принуждения как социального явления, дает целостное представление об объекте и предмете изучения и предопределяет методологию исследования, учитывающую специфику способов и средств его познания.

Второй параграф – «Теоретико-правовой анализ государственного принуждения» – посвящен исследованию теоретических воззрений о государственном принуждении как системном явлении, обладающем соответствующим содержанием, формой и структурой. Вступая в дискуссию с авторами (А.И. Каплуновым, С.Н. Кожевниковым и др.), рассматривающими в качестве первичного элемента системы государственного принуждения правовые формы, под которыми они понимают обособленные группы принудительных мер, автор доказывает, что построение любой системы связано с определением как ее формы, так и содержания. Содержание государственного принуждения составляет совокупность различных видов и способов принудительного воздействия, под формой государственного принуждения следует понимать нормы права, закрепляющие это воздействие. При этом каждая такая норма права характеризуется специфическим сочетанием вида, способа и объема допускаемого принудительного воздействия, что в итоге образует специальный правовой инструментарий – меру принуждения, применяемую к конкретным субъектам. В таком понимании мера принуждения предстает в виде категории, отражающей различные аспекты государственного принуждения.

Развивая предложенный в литературе (В.В. Серегина) тезис о выделении в системе государственного принуждения превенции, пресечения, восстановления и ответственности, автор обосновывает связь каждого отмеченного вида государственного принуждения с моделями противоправного поведения и объемом (степенью) ограничения личных прав и свобод субъектов принуждения, обусловленных способом принудительного воздействия. Делается вывод о том, что государственное принуждение сопровождает все этапы противоправного поведения, от предположения о неисполнении юридической обязанности, до реального ее неисполнения. С учетом обозначенной закономерности излагается система государственного принуждения, раскрывающая его содержательную сторону по виду и способу принуждения, а также по степени ограничения прав и свобод граждан и соотношению меры принуждения с противоправным поведением. Применяя эту модель к сфере уголовного судопроизводства, предлагается учитывать, что государственное принуждение в уголовном процессе, являясь самостоятельным отраслевым видом государственно-правового воздействия, обладает не только всеми его сущностными чертами и свойствами, но имеет и специфические признаки, отличающие его от других отраслевых видов государственного принуждения.

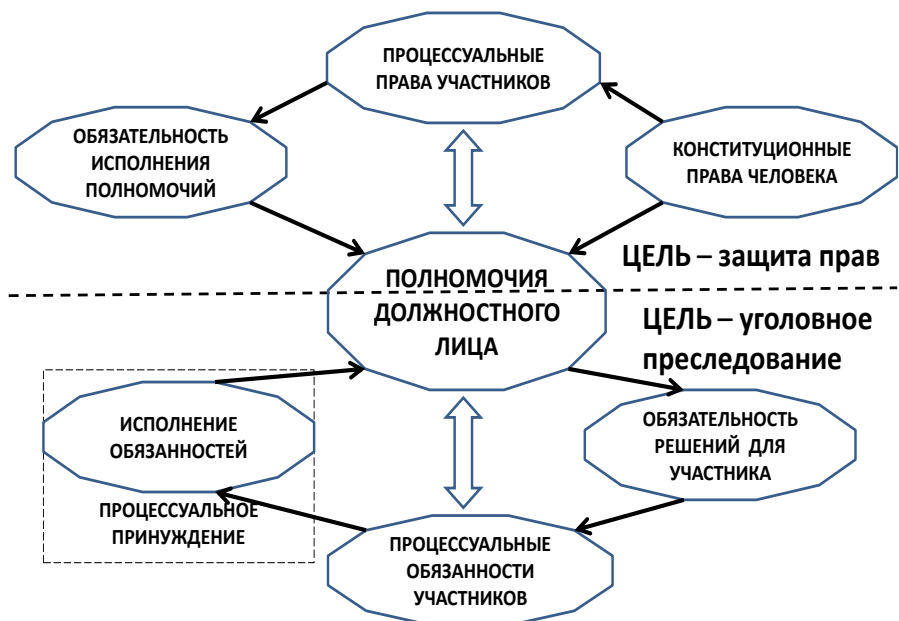
В третьем параграфе – «Детерминированность государственного принуждения в уголовном судопроизводстве» – исследуется отраслевая обусловленность специфики государственного принуждения, используемого при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности. Отмечается, что отсутствие четко сформулированных целей и задач досудебной и судебной частей уголовного судопроизводства отрицательно сказывается на определении содержания, объема и пределов применения уголовно-процессуального принуждения. Анализируя УПК РФ и другие федеральные законы, автор приходит к выводу, что в досудебном производстве процессуальное принуждение должно быть достаточным для решения правоохранительных задач, обусловленных раскрытием и расследованием преступлений и необходимостью преодоления противодействия отдельных участников процесса. В судебном производстве цели применения принуждения иные. Согласно положениям ст. 299 УПК РФ суды, осуществляя правосудие по уголовным делам, не раскрывают преступления, а проверяют, насколько обоснованы и справедливы утверждения стороны обвинения о виновности лица в совершении преступления, что свидетельствует о правозащитном характере судебной деятельности. Сообразно этому следует определять и объем процессуального принуждения, применяемого в ходе судебного разбирательства, который должен быть значительно меньше, чем в досудебном производстве и иметь иное качественное содержание, определяемое только достаточностью обеспечения надлежащего порядка судебного разбирательства. Отмечается, что детерминированность процессуального принуждения предметом и методом уголовно-процессуального регулирования проявляется:

1) в установлении дискреционных полномочий должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, обеспечивающих достижение целей уголовного судопроизводства, при одновременном возложении на участников, вступающих с ними в правоотношения соответствующих процессуальных обязанностей;

2) в закреплении различных режимов обеспечения процессуальных обязанностей при помощи процессуального принуждения.

Необходимость и обязательность государственного принуждения в уголовном судопроизводстве вызывается и его публичностью.

Рисунок 1 – Правовая модель организации уголовного судопроизводства

Указанный признак не только предопределяет главенствующее, лидирующее положение государственных органов и должностных лиц в системе субъектов уголовно-процессуального права (П.С. Элькин), но и помогает выделить субъектов процессуального принуждения, в качестве которых выступают участники, исполняющие процессуальные обязанности в отношениях с должностными лицами. Помимо того, публичный характер процессуальной деятельности обуславливает различное понимание обязательности порядка судопроизводства для его субъектов. Для должностных лиц «обязательность установленного порядка», утвержденная частью 2 ст. 1 УПК РФ, означает обязанность знать этот порядок и строго следовать ему. Для остальных участников обязательность связана с исполнением ими требований должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу. На основе изложенного подхода в работе конструируется правовая модель организации уголовного судопроизводства, позволяющая обозначить в ней место процессуального принуждения (рисунок 1).

Основой, сердцевиной этой модели являются процессуальные полномочия должностных лиц, отражающие правозащитные и правоохранные начала судопроизводства: 1) процессуальные обязанности должностных лиц, производные от конституционной обязанности государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека; 2) процессуальные полномочия должностных лиц, производные от конституционной обязанности государства обеспечивать правопорядок и безопасность в обществе. Только вторая часть полномочий должностных лиц, корреспондирующая с процессуальными обязанностями участников судопроизводства, может и должна гарантироваться мерами процессуального принуждения.

Четвертый параграф – «Отраслевые виды государственного принуждения, гарантирующие выполнение задач и порядок осуществления уголовно-процессуальной деятельности» – посвящен исследованию видов непроцессуального принуждения, обеспечивающих порядок уголовного судопроизводства. Опираясь на общепризнанную в современной уголовно-процессуальной науке доктрину об использовании в уголовном процессе различных видов отраслевого государственного принуждения (Б.Б. Булатов, Е.Г. Васильева, З.Д. Еникеев, З.Ф. Коврига, В.М. Корнуков, Ф.М. Кудин, И.Л. Петрухин, П.С. Элькин и др.), автор обосновывает, что не процессуальные виды государственного принуждения оказывают свое влияние на уголовно-процессуальную деятельность посредством воздействия на сознание участников и формирования у них чувства обязательности и подчинения праву. Такой подход позволяет целенаправленно и оптимально корректировать поведение субъектов принуждения, а при необходимости – адекватно реагировать на каждый случай предполагаемого или совершаемого правонарушения.

Развивая дальше это положение, автор проводит анализ правового регулирования процессуальных обязанностей участников, вовлеченных в уголовное судопроизводство, в их соотношении с процессуальными и

непроцессуальными средствами охраны и выявляет проблемы как в части регулирования процессуальных обязанностей участников судопроизводства, так и в целесообразности использования нескольких видов юридической охраны для их обеспечения. Одна из основных проблем, по мнению диссертанта, выражена в отсутствии законодательного закрепления процессуальных обязанностей участников судопроизводства, особенно подозреваемого и обвиняемого, в отношении которых предусмотрен максимальный объем процессуального принуждения. Требуется разрешения и проблема несогласованности норм уголовного, административного, полицейского и уголовно-процессуального законодательства, гарантирующих исполнение одних процессуальных обязанностей. В тех же случаях, где предусмотрена чрезмерная правовая охрана процессуальных обязанностей, предлагается определиться, насколько это востребовано практической деятельностью.

Вторая глава – «Уголовно-процессуальное принуждение как обособленное правовое образование в системе уголовно-процессуального права» – содержит четыре параграфа.

В первом параграфе проводится *«Анализ современного понимания уголовно-процессуального принуждения»*. Проанализировав представленные в уголовно-процессуальной науке концепции (Б.Б. Булатов, Е.Г. Васильева, З.З. Зинатуллин, В.М. Корнуков, В.Ю. Мельников, В.А. Михайлов, И.Л. Петрухин, О.П. Копылова, О.И. Цоколова и др.), раскрывающие понятие уголовно-процессуального принуждения, автор диссертации приходит к выводу, что отсутствие общепризнанного мнения в данном вопросе объясняется полисистемностью процессуального принуждения.

Игнорирование обозначенного качества отдельными авторами приводит к логическим противоречиям, выраженным в том, что в качестве одноуровневых элементов системы процессуального принуждения рассматриваются понятия «принудительное воздействие», «санкция» и «меры принуждения», имеющие разную конструктивную принадлежность. Проанализировав их сущность, значение и место, занимаемое в системе государственного принуждения, диссертант предлагает для получения достоверных результатов исследования абстрагироваться и рассматривать процессуальное принуждение на трех различных, но взаимно дополняемых и согласованных между собой уровнях: теоретическом, нормативном и эмпирическом. На теоретическом уровне процессуальное принуждение представляется в форме правовой теории (концепции), объясняющей данный феномен с позиции его социальной значимости и востребованности, изучающей его форму, содержание, структуру и систему и в конечном итоге выражающей определенное видение этого феномена на соответствующем историческом этапе. На нормативно-правовом уровне процессуальное принуждение выступает в виде правового образования, представленного системой совокупностью правовых норм (а не санкций), регулирующих вид, объем и порядок принудительного воздействия в уголовном процессе, организованной в строгом соответствии с общими

закономерностями механизма правового регулирования. На третьем, эмпирическом уровне, процессуальное принуждение предстает как установленный законом порядок применения мер принуждения, содержание которого составляют, с одной стороны, осуществление должностными лицами своих полномочий (действий и решений) по применению мер принуждения, а с другой – исполнение субъектами принуждения процессуальных обязанностей и использование предоставленных им прав.

При таком подходе к исследованию уголовно-процессуального принуждения неизбежны, с одной стороны, специфика его восприятия на каждом уровне исследования, а с другой – взаимосвязь и взаимообусловленность этих уровней для формирования общего понимания этого феномена. Очевидно, что чем тщательнее и глубже исследуется предшествующий уровень, тем совершеннее и качественнее предстает каждый из последующих. Отсутствие надлежащего теоретического обоснования процессуального принуждения, наличие неразрешенных проблем и противоречий в научных концепциях и взглядах неотвратимо сказываются на качестве правовых норм и эффективности их применения. И наоборот, чем совершеннее теория принуждения, тем качественнее создаваемые на этой основе нормы права и тем меньше ошибок допускается при их применении органами расследования и судами.

Второй параграф – «Нормативно-правовая структура уголовно-процессуального принуждения» – посвящен исследованию государственного принуждения в уголовном процессе как подотрасли уголовно-процессуального права, первичными элементами которого выступают нормы права, объединенные в различные правовые институты. Например, в качестве правовых институтов процессуального принуждения рассматриваются меры пресечения, денежное взыскание, задержание подозреваемого и т.д. Автор обосновывает, что бытующая в процессуальной литературе трактовка всей системы мер процессуального принуждения в виде правового института не отражает всего комплекса и значимости норм, регулирующих применение государственного принуждения в уголовном судопроизводстве. Поэтому стоит использовать устоявшуюся научную терминологию, производную от традиционной структуры права и рассматривать уголовно-процессуальное принуждение в виде подотрасли уголовно-процессуального права.

При определении внутренней структуры уголовно-процессуального принуждения автор исходит из высказываний известных юристов (С.С. Алексеев, М.И. Байтин, А.А. Ушаков) о необходимости выделения в праве двух составных частей, обладающих общими системообразующими признаками, но различных по функциональной направленности, – регулятивной и охранительной, и на этой основе выделяет три группы норм:

1) регулятивные нормы, обеспечивающие упорядочение процессуальных отношений вне связи с мерой принуждения;

2) регулятивные нормы, обеспечивающие упорядочение процессуальных отношений посредством содержащихся в них мер превентивного или пресекающего принуждения;

3) охранительные материальные нормы, содержащие меры принуждения (меры возмещения или наказания) и «обслуживающие» их процессуальные нормы.

Последние две функциональные группы норм права предлагается именовать нормами принуждения. С учетом вида и характера содержащихся в них мер принуждения автор выделяет следующие подгруппы.

1. Регулятивные нормы принуждения:

- а) нормы, содержащие меры превентивного принуждения;
- б) нормы, содержащие меры пресекающего принуждения.

2. Охранительные нормы принуждения:

- а) материальные нормы, содержащие меры ответственности;
- б) материальные нормы, содержащие меры возмещения;
- в) процессуальные нормы, обеспечивающие реализацию материальных норм принуждения.

Выявленные различия в функциональной направленности норм принуждения влияют на их логико-юридическую конструкцию. Опровергая тезис о единой универсальной структуре норм права «если – то – иначе», автор доказывает, что регулятивные нормы, формируя модель поведения участников правоотношения, содержат только два элемента «если – то (субъект А + субъект Б)», составляющие в своей совокупности модель должного правоотношения вне связи с правонарушением, что исключает наличие санкции в структуре нормы. При этом мера превентивного или пресекающего принуждения помещается в ту часть диспозиции, которая закрепляет полномочия должностного лица. Не соответствует универсальная структура нормы «если – то – иначе» и охранительным нормам, в структуре которых обязательно наличие диспозиции, закрепляющей модель противоправного деяния, и санкции, содержащей меру принуждения. Отмечается, что отсутствие между диспозицией и санкцией охранительной нормы причинно-следственных связей обуславливает необходимость введения третьего элемента, устанавливающего такую зависимость. Данный элемент предлагается именовать гипотезой охранительной нормы, с той разницей, что в регулятивной норме гипотеза направлена на диспозицию и обеспечивает ее реализацию, а в охранительной норме гипотеза создает условия для реализации санкции. Учитывая материальный характер нормы, а также сложность и трудоемкость правоприменительной деятельности, гипотеза, как правило, имеет общий, «рамочный» характер и ориентирует законодателя на принятие процессуальных норм. На этом основании формулируется вывод о существовании двух разновидностей норм, различающихся по структуре:

- структура регулятивных норм представлена двумя элементами – гипотезой и двухсоставной диспозицией; такие нормы закрепляют модель правоотношения по применению превентивных и пресекающих мер принуждения;

- охранительные нормы состоят из трех элементов – диспозиции, гипотезы и санкции; эти нормы определяют порядок применения мер ответственности и возмещения вреда, но их реализация осуществляется при помощи процессуальных норм.

Третий параграф – «Структурно-содержательная характеристика норм процессуального принуждения» – посвящен выявлению видовых признаков регулятивных и охранительных норм принуждения.

Специфичность регулятивных превентивных норм принуждения проявляется в содержании их гипотезы, носящей всегда предположительный характер. Для того чтобы минимизировать вероятностный характер оснований применения превентивного принуждения, их предлагается соотносить с юридическими фактами, характеризующими прошлое и настоящее поведение субъектов принуждения. При этом следует иметь в виду, что превентивные нормы в ряде случаев, обусловленных особым режимом ограничения конституционных прав и свобод участников, «доращиваются» новыми структурными элементами, предусматривающими судебный контроль за законностью применения мер принуждения.

Особенности регулятивных норм пресекательного принуждения также связаны с содержанием гипотезы, состоящей из двух видов обстоятельств: 1) совершение противоправного деяния, 2) неподчинение распоряжениям должностного лица. Обе части гипотезы объективны, так как речь идет о событиях, реально происходящих в действительности. Автор обосновывает, что несмотря на незавершенность процессуального нарушения в момент применения пресекательных мер, гипотеза нормы должна быть формально определенной и иметь строгую логическую структуру. Еще одна особенность пресекательных норм связана с целями их применения. Воздействуя на участника, совершающего процессуальный проступок, важно не только прекратить его противоправное поведение, но и одновременно обеспечить исполнение неисполненной процессуальной обязанности.

Материальный характер норм, содержащих меры уголовно-процессуальной ответственности, обуславливает их непосредственную связь с «обслуживающими» их процессуальными нормами. Взаимодействуя между собой, материальная и процессуальные нормы принуждения вызывают возникновение ряда правоотношений, направленных на достижение конечной цели – применение меры процессуальной ответственности. При этом процессуальные нормы как бы «вклиниваются» в материальную норму и соединяют между собой ее диспозицию и санкцию. В этом процессе принцип первичности материальной нормы по отношению к норме процессуальной существенно корректируется. С одной стороны, материальная норма (диспозиция нормы) действительно вызывает реализацию процессуальной нормы, но с другой – реализация процессуальной нормы направлена на применение материальной нормы (ее санкции).

Не менее уникальны нормы, содержащие меры возмещения. В уголовно-процессуальном законодательстве нормы восстановительного принуждения

представлены предписаниями, содержащимися в статьях 131, 132 УПК РФ, вне связи с Разделом IV, закрепляющим систему процессуального принуждения. Вместе с тем, именно эти предписания выступают основаниями для принудительного взыскания процессуальных издержек и, следовательно, составляют содержание процессуального принуждения.

При раскрытии специфики норм процессуального принуждения диссертант вступает в дискуссию с авторами (О.Э. Лейст и др.) относительно понимания санкций как обособленных правовых образований, объединенных в укрупненные группы, и доказывает, что санкции не могут объединяться с другими санкциями в силу их фрагментарного характера. Объединение правовых санкций возможно только на уровне систематизации правовых норм, содержащих эти санкции.

Четвертый параграф – «Уголовно-процессуальный закон как источник норм процессуального принуждения» – посвящен исследованию связей правовых норм с их законодательными источниками.

В параграфе анализируется соотношение правовых предписаний и норм права как части и целого, критически осмысливаются утверждения о тождественности либо абсолютном различии этих категорий. Исследуя содержание таких употребляемых в литературе понятий, как «норма-дефиниция», «норма-принцип», «норма-презумпция» и т.д., автор формулирует вывод о нелогичности использования данных терминов. Обосновывается, что правовая дефиниция, правовой принцип, правовая презумпция должны идентифицироваться в качестве правовых предписаний (частей нормы права), каждое из которых выполняет свою специфическую роль в формировании нормы права. Например, дефиниция обеспечивает единое понимание юридических терминов; правовые принципы раскрывают основополагающее, приоритетное значение содержащихся в них предписаний; а правовые презумпции корректируют полномочия участников, устанавливаемые нормами права. Использование в тексте закона различных по форме, значению и содержанию правовых предписаний, обладающих различным юридическим значением, необходимо для наиболее полного, понятного и оптимального изложения мыслей законодателя, каждая из которых связана с определенной частью правовой нормы – гипотезой, диспозицией или санкцией.

В связи с изложенным обосновывается вывод, что на микроуровне каждая норма принуждения состоит из правовых предписаний (положений), посредством которых уголовно-процессуальное право получает свое материальное воплощение в тексте законодательства. Именно правовые предписания (отдельно или в совокупности) составляют содержание каждого структурного элемента правовой нормы – гипотезы, диспозиции или санкции, объединяя тем самым право и законодательство. В плоскости права правовые предписания структурируются в нормы права (нормы принуждения); на уровне законодательства – в статьи, главы, разделы соответствующего закона. Объединяют эти два уровня меры принуждения, содержащиеся как в нормах принуждения, так и в тексте закона.

Исследуя соотношение норм принуждения и мер принуждения, диссертант соглашается с авторами (В.М. Корнуков, А.С. Пиголкин), полагающими, что мера принуждения значительно шире отдельного элемента нормы – санкции или диспозиции. В развитие этого положения формулируется вывод о том, что меры принуждения могут располагаться в различных структурных элементах нормы права, но для их применения необходима реализация и других структурных элементов, составляющих в целом логико-юридическую конструкцию нормы принуждения. Соответственно, применение меры принуждения возможно только при условии реализации всей нормы и в порядке, установленном законодательством. На этом основании делается вывод, что логико-юридическая структура норм принуждения и их текстовое выражение в действующем законодательстве находятся в прямой и непосредственной взаимосвязи. Неверное, неправильное или неполное формулирование законодателем своих мыслей, противоречивость и алогичность правовых предписаний в тексте закона влияют на полноту и логичность норм принуждения и в конечном итоге – на ход и результаты правоприменительной деятельности.

Третья глава – «Механизм принудительного воздействия в уголовном судопроизводстве» – содержит четыре параграфа.

В первом параграфе – «Общая характеристика правового регулирования уголовно-процессуального принуждения» – излагаются исходные позиции правового регулирования принудительного воздействия в уголовном судопроизводстве.

Моделируя механизм правового регулирования уголовно-процессуального принуждения, автор исходит из следующих положений: 1) правовое регулирование процессуальных отношений обеспечивается нормами права путем соответствующих способов и средств воздействия (юридических фактов, полномочий, прав и т.д.); 2) каждая норма права содержит определенный набор способов и средств, располагая их в строгой последовательности внутри структурных элементов нормы; 3) в своей совокупности способы и средства воздействия образуют единый механизм, обуславливающий направленность (функциональность) нормы права и сферу ее применения. На этом основании делается вывод, что правовая норма содержит в себе механизм, обеспечивающий правовое регулирование определенных процессуальных отношений с целью их упорядочения, развития или прекращения. Познать этот механизм – значит познать внутреннюю организацию нормы и выявить общие закономерности ее воздействия на процессуальные отношения.

Различие норм принуждения по функциональной направленности (регулятивные и охранительные) и по внутренней структуре (двухэлементные и трехэлементные), позволило диссертанту выдвинуть тезис о наличии двух механизмов правового регулирования:

– механизма правового регулирования, обеспечивающего упорядочение процессуальных отношений;

– механизма правового регулирования, обеспечивающего охрану и защиту процессуальных отношений.

Основой первого механизма выступают регулятивные нормы принуждения с двухэлементной внутренней организацией. Независимо от содержания и вида используемого государственного принуждения, механизм правового регулирования этих норм образуют: 1) юридический факт, выступающий основанием применения меры принуждения; 2) правоотношение, возникающие между должностным лицом и субъектом принуждения. Основой второго механизма являются охранительные нормы принуждения с трехэлементной внутренней организацией, поэтому и воздействие их на процессуальные отношения осуществляется иначе. Механизм правового регулирования здесь составляют: 1) юридический факт-деяние, выступающее основанием применения меры принуждения; 2) условия и порядок применения меры принуждения; 3) правоприменительный акт как форма применения меры принуждения.

Наряду с указанным механизмом (статика права), автор обосновывает необходимость выделения механизма функционирования законодательно закрепленной модели принуждения в практической деятельности (динамика права).

Во втором параграфе – «Критический анализ общепризнанного понимания реализации норм права» – исследуются получившие отражение в науке способы (формы) реализации правовых норм, применительно к нормам уголовно-процессуального принуждения. Подвергая критическому переосмыслению теорию о способах реализации норм права, автор приходит к выводу, что нормы принуждения реализуются только в форме применения. Однако с учетом функциональной направленности этих норм следует различать применение регулятивных норм принуждения и применение охранительных норм принуждения. Реализация регулятивных норм принуждения осуществляется в три этапа: 1) возникновение юридического факта – основание применения меры принуждения; 2) осуществление должностным лицом полномочий по применению меры принуждения; 3) исполнение субъектом принуждения обязанности претерпеть ограничения. Более сложным является процесс применения охранительных норм принуждения. Он включает четыре этапа: 1) возникновение юридического факта – совершение противоправного деяния; 2) осуществление производства по применению меры принуждения, предполагающее возникновение ряда правоотношений; 3) издание правоприменительного акта; 4) реализация правоприменительного акта – применение меры принуждения.

При исследовании процесса реализации регулятивных норм принуждения выявлена закономерность, суть которой заключается в следующем: полномочия, права/ обязанности субъектов, содержащиеся в диспозиции одной нормы, после реализации приобретают значение юридического факта и в этом качестве составляют содержание гипотезы следующей нормы права, а затем в новом значении обуславливают следующие полномочия, права/ обязанности

субъектов. Выстроенная таким образом «правовая цепочка» взаимосвязанных элементов норм принуждения и возникающих при их реализации правоотношений имеет общее начало и окончание. Начало «правовой цепочки» связано с появлением фактического основания применения меры принуждения, а завершается она принятием окончательного процессуального решения о применении меры принуждения. В связи с этим формулируется вывод: юридические факты, вызывающие реализацию регулятивных норм принуждения, имеют разное правовое значение. Одни из них – основные юридические факты – «запускают» реализацию норм принуждения и обуславливают всю последующую, связанную с ней процессуальную деятельность. В процессуальном законодательстве они обозначены в качестве оснований применения мер принуждения. Второй вид – дополнительные юридические факты – возникают в результате исполнения субъектами правоотношений процессуальных полномочий, прав и обязанностей. Такие факты, как правило, выступают в качестве условий применения мер принуждения.

В третьем параграфе – «Механизм функционирования уголовно-процессуального принуждения: его понятие, структура и содержание» – раскрывается понятийно-содержательная суть обозначенного явления, его правоохранительные и правозащитные проявления. Обосновывается, что реализация норм принуждения создает предпосылки для более эффективного использования субъектами принуждения права на защиту от незаконного и чрезмерного принудительного воздействия либо права на реабилитацию. Возможность реального использования субъектом принуждения предоставленных ему законом прав во многом зависит от реализации правоустанавливающих норм уголовно-процессуального права, закрепляющих не только права субъекта принуждения, но и корреспондирующие процессуальные обязанности должностных лиц. В своей совокупности обозначенные процессы (реализация норм принуждения и реализация правоустанавливающих норм уголовно-процессуального права) образуют единый правовой механизм – механизм функционирования уголовно-процессуального принуждения, обеспечивающий должный порядок и эффективность применения мер принуждения к участникам судопроизводства. В содержании этого механизма проявляется двуединое назначение уголовно-процессуального регулирования – правоохранительное и правозащитное. Правоохранительное назначение, обуславливающее наличие и реализацию норм принуждения, гарантирует защиту публичных интересов, в том числе посредством ограничения прав и свобод отдельных участников процесса; правозащитное назначение обеспечивает охрану конституционных прав и свобод человека, гарантирует законность и обоснованность ограничения прав и свобод участников и их защиту от чрезмерного принудительного воздействия.

Проанализировав практику применения действующих мер принуждения, автор приходит к выводу о наличии нескольких разновидностей механизма функционирования процессуального принуждения, обусловленных

структурными и содержательными особенностями реализуемых норм уголовно-процессуального права, и на этом основании выделяет четыре формы процессуального правоприменения:

- 1) упрощенная форма, обеспечивающая применение органами расследования или судом (судьей) превентивных и пресекательных мер принуждения посредством принятия устного процессуального решения и его исполнения;
- 2) основная форма, обеспечивающая применение органами расследования или судом (судьей) превентивных и пресекательных мер принуждения посредством постановления письменного процессуального решения и его исполнения либо передачи для исполнения;
- 3) контрольная форма, обеспечивающая применение органами расследования превентивных и пресекательных мер принуждения под непосредственным контролем суда;
- 4) исключительная форма, обеспечивающая применение мер процессуальной ответственности и возмещения вреда на основании письменного судебного решения.

В четвертом параграфе – «Характеристика субъектов уголовно-процессуальных отношений, возникающих при реализации норм принуждения» – проводится анализ полномочий должностных лиц и определяется круг участников процесса, в отношении которых применяется принуждение. Утверждается, что несмотря на множественность и разнонаправленность правоотношений, присущие механизму функционирования принуждения, субъектный состав его всегда неизменен: одну сторону правоотношений представляет государственное должностное лицо, применяющее меру принуждения; другую – участник, к которому применяется эта мера. Подвергнув детальному анализу процессуальный статус органов и должностных лиц, уполномоченных на применение мер принуждения, автор констатирует: 1) решение об избрании любой меры принуждения принимает: а) на досудебном производстве – следователь, дознаватель, установивший наличие оснований для применения соответствующей меры пресечения; б) в судебном производстве – суд; 2) на досудебном производстве применение принудительных мер, ограничивающих конституционные права и свободы участников, допускается после признания судом законности и обоснованности соответствующего решения, принятого органом расследования; 3) на досудебном производстве полномочия прокурора в части применения мер принуждения производны от полномочий органов расследования и направлены на обеспечение их законности. Такой подход обеспечивает самостоятельность органов расследования в осуществлении возложенных на них функций и раскрывает контрольный, правозащитный характер судебной деятельности, гарантирующий защиту прав и свобод участников судопроизводства от их незаконного ограничения.

Особое внимание уделено субъектам принуждения – лицам, вовлекаемым в уголовное судопроизводство. Проанализировав существующие научные позиции по данному вопросу, автор обосновывает необходимость

классификации субъектов принуждения с учетом их интереса в результатах судопроизводства. Учет этого фактора позволяет выделить две группы субъектов принуждения и на этой основе прогнозировать их будущее поведение и планировать вид и объем применяемого принуждения. Первую группу составляют участники, интересы которых могут противопоставляться целям и задачам правосудия. К ним относятся подозреваемый, обвиняемый. В отношении этих участников допустимо применение мер принуждения превентивного, пресекающего и восстановительного характера. Вторую группу составляют участники, чьи интересы не противоречат задачам правосудия, они не мотивированы на умышленное нарушение установленного порядка, поэтому превентивное принуждение к ним применяться не должно. Его отсутствие в данном случае может компенсироваться пресекающим принуждением и ответственностью за совершенное процессуальное правонарушение.

Указанную классификацию предлагается положить в основу структуры Раздела IV УПК РФ «Меры процессуального принуждения», выделив в нем две части: 1) меры процессуального принуждения, применяемые в отношении подозреваемого, обвиняемого и осужденного; 2) меры процессуального принуждения, применяемые в отношении остальных вовлеченных участников.

Глава четвертая – «Меры процессуального принуждения, применяемые к подозреваемым и обвиняемым: проблемы правового регулирования и правоприменения» – содержит шесть параграфов.

В первом параграфе – «Проблемно-правовой анализ нормативной регламентации задержания в действующем УПК РФ» – рассматриваются цели, основания, мотивы, условия и порядок применения указанных действий, осуществляемых в соответствии с нормами действующего УПК РФ. Автор приходит к выводу, что фактическое и процессуальное задержание не соотносятся как часть и целое, каждое из них является самостоятельным видом ограничения свободы, отличается спецификой целей, оснований, субъектов и порядка применения. Предлагается обособить фактическое задержание от процессуального, перенести его в полицейское законодательство.

Исследуя «чисто процессуальное» задержание, автор обосновывает вывод о необходимости выделения нескольких его разновидностей, различаемых по субъектам принуждения и порядку применения: 1) задержание подозреваемого, 2) задержание обвиняемого, 3) задержание осужденного и 4) задержание лиц, подлежащих выдаче. Задержание подозреваемого и обвиняемого, в свою очередь, по целям применения целесообразно классифицировать на: а) задержание для решения вопроса об установлении личности и применении меры пресечения; б) задержание в целях обеспечения участия подозреваемого или обвиняемого в рассмотрении судом вопроса о применении заключения под стражу. В первом случае основанием задержания является отсутствие у лица постоянного места жительства либо сведений о его личности, а также оказание сопротивления сотрудникам полиции. Во втором случае основания задержания тождественны основаниям применения заключения под стражу. Задержание

осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания, и задержание лиц, подлежащих выдаче на основании запроса об оказании правовой помощи, имеют собственные специфические основания и порядок применения.

Отдельное внимание уделено размежеванию оснований полицейского и уголовно-процессуального задержания. В действующей редакции ст. 91 УПК РФ различия между ними нивелированы: закон закрепляет как основания для доставления лица (ч. 1 ст. 91), так и отдельные основания для его процессуального задержания. При исследовании основания задержания в рамках правоприменительного процесса было обращено внимание на сложносоставной характер данной дефиниции и предложено следующее ее понимание: основания – это правовая конструкция, объединяющая: *объективные обстоятельства*, свидетельствующие о реальном или возможном противоправном поведении лица и *сведения об указанных обстоятельствах* (доказательства), полученные в установленной законом форме.

Обосновывается необходимость исключения из законодательства категории «мотивы задержания» ввиду ее личностного психологического характера, присущего частным лицам, но несвойственного должностным лицам, ведущим производство по уголовному делу. Лицо, принимающее решение о задержании, руководствуется не личной мотивацией, а наличием либо отсутствием оснований для применения данной меры и соответствующими процессуальными полномочиями. По всем предложениям подготовлены проекты закона о внесении изменений и дополнений в УПК РФ.

Во втором параграфе указанной главы рассматриваются «Проблемы отграничения процессуального задержания от иных видов задержания». Их истоки имеют не только процессуальную природу. Наряду с УПК РФ, разграничивающим фактическое и процессуальное задержание, в УК РФ также используется несколько подходов в определении термина «задержание». Например, ч. 1 ст. 301 УК РФ понимает задержание как процессуальное решение органов расследования в рамках возбужденного уголовного дела; а ст. 38 УК РФ – как действие, т.е. физический захват, производимый сотрудниками полиции. В последнем случае объем и содержание задержания различается с учетом того, включается в его понятие доставление задержанного в участок полиции либо нет. Фактический аспект в понятии задержания превалирует и в постановлениях Верховного Суда РФ.

Автор предлагает решать эту проблему не столько в рамках уголовно-процессуального законодательства, сколько посредством изменения и дополнения закона «О полиции». Фактическое задержание предлагается обозначить как полицейское задержание и рассматривать его в качестве самостоятельного вида правового задержания. Юридической предпосылкой полицейского задержания выступает наличие предположения о причастности лица к противоправному деянию и/или неисполнение гражданином возложенных на него обязанностей исполнять законные требования сотрудников полиции, в том числе требований о предъявлении документов, прекращении противоправных действий, следовании в орган полиции и т.д.

Указанные обязанности корреспондируют правам полиции, обозначенным в ст. 13 Закона «О полиции» и не зависят от наличия возбужденного уголовного или административного производства. Возложение на граждан указанных обязанностей предполагает их принудительное обеспечение, в том числе посредством применения физической силы, специальных средств и оружия. Предоставление полиции самостоятельного права производить полицейское задержание, вполне логично и целесообразно.

Необходимость правового регулирования задержания, производимого полицией, обусловлена не только потребностями общества и государства в создании эффективного механизма предупреждения и пресечения противоправной деятельности, но и защитой прав задержанных лиц. В связи с этим предлагается понимать полицейское задержание как кратковременное, не более 8 часов, ограничение свободы лица, с доставлением либо без доставления гражданина в орган полиции. При этом целесообразно выделить два вида полицейского задержания: 1) задержание как кратковременное ограничение лица в свободе передвижения в месте его нахождения и 2) задержание с принудительным доставлением лица в полицейский участок. Легализация полицейского задержания позволит по-новому определить основания процессуального задержания, применяемого органами предварительного расследования при производстве по уголовному делу.

Третий параграф – «Цели и основания применения мер пресечения» – посвящен исследованию вопросов целевого назначения и обоснованности использования этого вида принуждения. Анализируя уголовно-процессуальные нормы и представленные в уголовно-процессуальной науке взгляды о понятии, целях и основаниях применения мер пресечения, автор приходит к выводу о недостаточной правовой регламентации данного института в действующем законодательстве, выражающейся в отсутствии четких критериев, обуславливающих принятие решения о необходимости применения меры пресечения и ее конкретный выбор.

Обращая внимание на игнорирование законодателем при решении указанных вопросов специфики отдельных мер пресечения, диссертант предлагает выделять три их группы, различаемые по целям, субъектам принуждения и сфере применения: 1) меры пресечения, применяемые к обвиняемым, подозреваемым в ходе производства по уголовному делу, до вступления приговора в законную силу; 2) меры пресечения, применяемые к осужденным в стадии исполнения приговора; 3) меры пресечения, применяемые к лицам, подлежащим экстрадиции. Меры пресечения, применяемые к обвиняемым, подозреваемым при производстве по уголовному делу, всегда имеют превентивный характер, так как применяются в целях обеспечения их надлежащего поведения в условиях, когда виновность этих лиц еще не установлена. В связи с этим предлагается законодательно определить понятие надлежащего поведения обвиняемого, соразмерного различным мерам пресечения. Применяемые при этом ограничения прав и свобод обвиняемого, подозреваемого, составляющие содержание меры пресечения, должны

соотноситься с основаниями ее применения и угрозой, исходящей от лица, в случае нарушения им порядка судопроизводства.

Меры пресечения, применяемые к осужденным в стадии исполнения приговора, преследуют иные цели – это прекращение противоправного поведения осужденного, уклоняющегося от исполнения наказания. Здесь специфичны не только цели и порядок принудительного воздействия, субъект принуждения, но и сфера применения мер пресечения – стадия исполнения приговора.

Принципиально отличается применение мер пресечения к лицам, подлежащим экстрадиции, цель которых сделать реальной выдачу лица иностранному государству. Ссылка ст. 466 УПК РФ на возможность применения в таких случаях главы 13 УПК РФ декларативна: нормы этой главы не применимы в рассматриваемой ситуации ввиду своей специфичности как по субъектам принуждения, так и по целям, основаниям и порядку применения.

Теоретически несостоятельное понимание целей мер пресечения сказывается на характеристике оснований их применения. Если пресекательное принуждение применяется в целях прекращения совершаемого противоправного деяния, что предполагает его обязательное наличие, то превентивное принуждение используется при отсутствии противоправного поведения, на основании предположения о возможности такого поведения. Как и при задержании, основания мер пресечения, с одной стороны – это фактические обстоятельства, носящие объективный характер, позволяющие органу расследования или суду предполагать будущее поведение обвиняемого; а с другой – это совокупность сведений (доказательств) об указанных обстоятельствах.

В четвертом параграфе проводится «Системно-структурный анализ действующих мер пресечения». Многообразие видов мер принуждения и оснований, опосредующих их избрание, означает, что выбор каждой принудительной меры основывается на определенной совокупности обстоятельств, и наоборот, определенные обстоятельства вызывают применение конкретной меры принуждения. Проверая эту научную гипотезу, автор исследовал действующие меры пресечения комплексно, в соотношении друг с другом и иными мерами принуждения, сопоставляя и оценивая их по одним и тем же критериям: качеству правовой дефиниции; целям, основаниям и условиям применения; средствам и способу воздействия. Такой подход позволил выделить группы мер пресечения, обладающие сходными свойствами, рассмотреть их системно и на этой основе оценить эффективность правового регулирования как каждой отдельной меры, так и их групп.

В результате обосновывается вывод о несовершенстве действующей системы мер пресечения, ее разбалансированности, выражающейся в неудачном соотношении мер психологического и имущественного характера. Отмечается, что ни по одной мере пресечения закон не содержит полной дефиниции, раскрывающей ее смысл и сущность, характер принудительных средств, составляющих ее содержание и особенности применения. Своеобразно

определяется надлежащее поведение применительно к различным видам мер принуждения. Очевиден пробел в закреплении согласия обвиняемого на применение подписки о невыезде; согласия собственника жилья на применение к обвиняемому домашнего ареста; согласия несовершеннолетнего обвиняемого на применение пристража и т.д. Наиболее значимой проблемой правового регулирования мер пресечения остается определение оснований их применения. В результате проведенного исследования показано, что все меры пресечения в качестве основания применения используют одни и те же обстоятельства, перечисленные в части первой ст. 97 УПК РФ и в ст. 99 УПК РФ. При унификации оснований невозможно определить факторы, влияющие на выбор отдельно взятой меры пресечения, и чем должен руководствоваться правоприменитель.

В пятом параграфе – «Системно-структурный анализ иных мер процессуального принуждения, применяемых к подозреваемым и обвиняемым» – рассматривается качество правового регулирования иных мер принуждения с позиции полноты их дефиниции, определения целей, оснований и условий применения, достаточности принудительных средств в способе воздействия. Делаются следующие выводы. Так называемые «иные меры процессуального принуждения» – обязательство о явке, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество, – принципиально ничем не отличаются от мер пресечения. Они тоже имеют превентивный характер, обеспечивают надлежащее поведение обвиняемого и его невмешательство в производство по делу. По степени ограничения прав и свобод обязательство о явке составляет альтернативу подписке о невыезде; временное отстранение от должности как мера физического воздействия имеет специфический характер, так как применяется не ко всем обвиняемым, а только к тем, которые замещают определенные должности; а имущественный характер наложения ареста на имущество сочетается с превентивными целями принудительного воздействия, обеспечивая в дальнейшем возмещение причиненного вреда и взыскание процессуальных издержек. Не выявлено принципиальных различий также между задержанием и приводом, в содержании которых используются одинаковые принудительные средства и способы воздействия – захват и доставление. В связи с этим предлагается рассматривать все меры принуждения, применяемые в отношении подозреваемых и обвиняемых в одной плоскости, и на этой основе моделировать соответствующую систему мер принуждения.

В шестом параграфе обосновывается «Нормативно-правовая модель системы мер процессуального принуждения, применяемых к подозреваемым и обвиняемым».

При построении системы мер принуждения в отношении обвиняемого и подозреваемого предлагается не только учитывать способ государственно-принудительного воздействия и вид обременений, составляющих содержание каждой принудительной меры, но и определить связи между составляющими ее группами и видами мер принуждения. Такая система достаточна для решения

правоохранительных задач уголовного судопроизводства, и в то же время гарантирует возможность достижения этих задач при минимальном ограничении конституционных прав и свобод граждан. При таком подходе отчетливо проявляется целевая направленность каждой меры принуждения и отмечается «парность» отдельных мер, позволяющая обеспечить порядок уголовного судопроизводства наиболее щадящими способами.

Первая группа включает в себя меры превентивного принуждения:

1) общие меры превентивного принуждения:

- a) меры психологического воздействия: обязательство о явке, подписка о невыезде;
- b) меры имущественного воздействия: имущественное поручительство, залог;
- c) меры физического ограничения: домашний арест, заключение под стражу;

2) специальные меры превентивного принуждения:

- a) присмотр за несовершеннолетним обвиняемым;
- b) наблюдение командования воинской части за военнослужащим;
- c) временное отстранение от должности.

Последняя мера, являясь мерой превентивного принуждения, создает реальные препятствия в реализации обвиняемым, подозреваемым трудовых или иных профессиональных функций по месту работы или службы и, тем самым, обеспечивает его надлежащее поведение при производстве по уголовному делу. Специфическим условием применения этой меры принуждения является особый статус обвиняемого, подозреваемого, выраженный в его принадлежности к определенным профессиям и/или должностям. На этом основании предлагается включать указанную меру в одну группу с мерами пресечения, действующими в отношении специальных субъектов.

Вторая группа включает в себя меры пресечения (прекращения) противоправного поведения:

- 1) привод, задержание;
- 2) предупреждение, удаление из зала судебного заседания;
- 3) изменение меры пресечения.

Отмечается, что применительно к обвиняемым и подозреваемым, уклоняющимся от явки по вызову, привод и задержание являются альтернативными мерами принуждения. Так, к лицам, подозреваемым, обвиняемым в преступлениях небольшой или средней тяжести, следует применять привод; в тех же случаях, когда лицо подозревается или обвиняется в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, должно применяться задержание.

Третья группа включает в себя меры, обеспечивающие восстановление причиненного ущерба:

- 1) наложение ареста на имущество;
- 2) взыскание процессуальных издержек.

Учитывая общий для этих мер характер принудительного воздействия, который определяется восстановлением имущественных прав, предлагается включить их в группу мер восстановительного принуждения. Особое внимание обращается на взыскание процессуальных издержек, которое по УПК РФ не только не относится к мерам принуждения, но и не имеет должного правового регулирования.

Пятая глава диссертации – «Меры процессуального принуждения, применяемые к другим участникам уголовного судопроизводства: проблемы правового регулирования и правоприменения» – содержит два параграфа.

В первом параграфе проводится «Системно-структурный анализ мер процессуального принуждения, применяемых к другим участникам». В действующем законодательстве указанная группа мер процессуального принуждения регламентирована бессистемно. Часть из них закреплена в ст. 111 УПК РФ. Это обязательство о явке, привод и денежное взыскание. Другая группа – в части 1 ст. 258 УПК РФ – предупреждение и удаление из зала судебного заседания, а некоторые упоминаются в статьях УПК РФ, регламентирующих производство следственных и иных процессуальных действий. Рассмотрев каждую из обозначенных мер принуждения и проанализировав имеющиеся научные взгляды относительно их понятия и содержания, автор акцентировал внимание на наиболее сложных и значимых моментах в их нормативном оформлении. Тщательному исследованию подверглось принудительное воздействие в виде уголовно-процессуальной ответственности. Предусмотренные ст. 258 УПК РФ предупреждение и удаление из зала судебного заседания не являются мерами ответственности. Не относится к ответственности и изменение меры пресечения на более строгую. Нельзя согласиться и с утверждениями о том, что обращение залоговой массы в доход государства выступает в качестве своеобразной меры ответственности залогодателя. В связи с этим обосновывается вывод, что в действующем уголовно-процессуальном регулировании в качестве меры процессуальной ответственности выступает только денежное взыскание, предусмотренное ст. 117 УПК РФ. Проведенный нормативный анализ статей 117 и 118 УПК РФ показал чрезмерно диспозитивный характер уголовно-процессуальной ответственности, который не согласуется с одним из базовых принципов юридической ответственности – ее неотвратимостью.

Непосредственная связь уголовно-процессуальной ответственности с процессуальными обязанностями участников предполагает законодательное закрепление полномочий должностных лиц по ознакомлению участников с процессуальными обязанностями и обязательностью их исполнения. Отсутствие в УПК РФ перечня процессуальных обязанностей участников судопроизводства создает существенные трудности в осуществлении этих полномочий.

Обращается внимание на то, что обязательное разъяснение участникам судопроизводства их ответственности, предусмотренное частью 5 ст. 164 УПК РФ, связано только с уголовной ответственностью за преступления,

предусмотренные УК РФ, и не распространяется на уголовно-процессуальную ответственность, что является существенным упущением в законодательной технике.

Во втором параграфе представлена «Нормативно-правовая модель системы мер процессуального принуждения, применяемых к другим участникам уголовного судопроизводства». Основываясь на анализе недостатков действующей правовой регламентации системы мер процессуального принуждения, применяемых к другим помимо обвиняемого и подозреваемого участникам уголовного судопроизводства, диссертант обосновывает целесообразность исключения из перечня обозначенных мер обязательства о явке, предлагая использовать в качестве ее альтернативы повестку (извещение) о вызове, имеющую информационно-обязательный характер.

Кроме того, предлагается расшифровать и детализировать содержащиеся в законе (например, ч. 1 ст. 179 УПК РФ, ч. 5 ст. 183 УПК РФ и т.д.) указания на возможность применения дополнительного принудительного воздействия к потерпевшим, свидетелям и иным лицам. В итоге формулируется следующая система мер принуждения этой группы:

- 1) меры пресекательного принуждения:
 - a) предупреждение;
 - b) привод;
 - c) физическое прекращение противодействия;
 - d) удаление из зала судебного заседания;
- 2) меры процессуальной ответственности:
 - a) денежное взыскание.

В *Заключении* обобщаются результаты диссертационного исследования, принципиально изменяющие сложившиеся представления о правовой природе и структурно-содержательной организации государственного принуждения в уголовном судопроизводстве, обозначается их значимость для развития правовой науки, совершенствования законотворческой и правоприменительной деятельности.

Основное содержание диссертации отражено в публикациях:

Монографии:

1. Вершинина, С.И. Залог в системе мер пресечения / С.И. Вершинина. – Тольятти: 1999. – 120 с.
2. Вершинина, С.И. Государственное принуждение в системе права/ С.И. Вершинина. – М.: Nota Bene, 2010. – 155 с.
3. Вершинина, С.И. Государственное принуждение: проблемы правовой теории и практики / С.И. Вершинина: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 216 с.
4. Вершинина, С.И. Юридическая ответственность в системе государственного принуждения / С.И. Вершинина // Антология юридической ответственности: в 5 т. Т. 2; отв. редактор и руководитель авторского коллектива Р.Л. Хачатуров. – Самара: Ас Гард, 2012. – Раздел 2. – С. 114–157.
5. Вершинина, С.И. Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения / С.И. Вершинина. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 367 с.

Научные статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, включенных в перечень ВАК Минобрнауки РФ:

6. Вершинина, С.И. О совершенствовании института мер пресечения, предусмотренного главой 13 УПК РФ / С.И. Вершинина // Журнал российского права. – 2017. – № 6. – С. 90-98.
7. Вершинина, С.И. О видах государственного принуждения, обеспечивающего уголовное судопроизводство / С.И. Вершинина // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2017. – № 2. – С. 104-118.
8. Вершинина, С.И. О нормах права, их структуре и содержании/ С.И. Вершинина // Вестник гражданского процесса. – 2017. № 5. – С. 34-50.
9. Вершинина, С.И. О юридической природе, понятии и системе уголовно-процессуального принуждения / С.И. Вершинина // Журнал российского права. – № 5 (233). – 2016. – С. 90–98.
10. Вершинина, С.И. Основания и мотивы задержания подозреваемого/ С.И. Вершинина // Advances in Law Studies. – 2016. – Том 4. – Выпуск 3 (20). – С. 109–114.
11. Вершинина, С.И. Обеспечивает ли российский уголовный процесс расследование деяний, запрещенных уголовным законом? / С.И. Вершинина // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 2 (36). – С. 8–13.
12. Вершинина, С.И. О необходимости законодательного регулирования задач уголовного судопроизводства / С.И. Вершинина // Российская юстиция. – 2015.– № 10. – С. 28–30.

13. Вершинина, С.И. К вопросу о легализации фактического (полицейского) задержания лиц, застигнутых на месте совершения преступления / С.И. Вершинина // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9. – № 4. – С. 755–765.
14. Вершинина, С.И. О механизме уголовно-процессуального принуждения / С.И. Вершинина // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия «Юриспруденция». – 2014. – № 11/1 (122). – С. 70–76.
15. Вершинина, С.И., Оськин, А.В. Контрольные полномочия руководителя следственного органа при проведении следователем доследственной проверки / С.И. Вершинина // Законность. – 2014. – № 9 (959). – С. 48–52.
16. Вершинина, С.И. О направлениях реформирования досудебного уголовного процесса / С.И. Вершинина // Российская юстиция. – 2014. – № 2. – С. 53–55.
17. Вершинина, С.И. О содержании признака противоправности деяний / С.И. Вершинина // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2012. – № 1 (19). – С. 116–119.
18. Вершинина, С.И. О соотношении охранительных норм и норм принуждения / С.И. Вершинина // Российский юридический журнал. – № 4 (79). – 2011. – С. 52–62.
19. Вершинина, С.И. Функции государственного принуждения / С.И. Вершинина // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2011. – № 1 (15). – С. 120–122.
20. Вершинина, С.И. О соотношении государственной власти и принуждения / С.И. Вершинина // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2011. – № 1 (15). – С. 122–126.
21. Вершинина, С.И. О теории государственного принуждения / С.И. Вершинина // Право и политика. – 2010 – № 4 (124). – С. 708–717.
22. Вершинина, С.И. К вопросу о юридической классификации фактических оснований применения мер государственного принуждения / С.И. Вершинина // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2010. – № 2 (12). – С. 57–60.
23. Вершинина, С.И. Аксиологический подход в исследовании проблем государственного принуждения / С.И. Вершинина // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2010. – № 1 (11). – С. 75–78.
24. Вершинина, С.И., Кожевников, О.А. Акты прокурорского реагирования на незаконные действия и решения органов предварительного следствия / С.И. Вершинина, О.А. Кожевников // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2009. – № 4 (12). – С. 26–28.
25. Вершинина, С.И. Юридическая ответственность как вид государственного принуждения / С.И. Вершинина // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Специальный выпуск «Правоведение». – 2009. – № 5. – С. 23–30.

- 26.Вершинина, С.И. О теории принуждения в правовой науке / С.И. Вершинина // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2009. – № 2 (5). – С. 23–30.
- 27.Вершинина, С.И. Государственное принуждение: понятие, субъекты, форма и содержание / С.И. Вершинина // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2008. – № 1. – С. 72–75.
- 28.Вершинина, С.И., Шейфер, С.А. Применение залога как меры пресечения/ С.И. Вершинина, С.А. Шейфер // Прокурорская и следственная практика. – 1998. – № 4 – С. 82–91.

Другие научные публикации:

- 29.Вершинина, С.И. Детерминированность государственного принуждения в уголовном судопроизводстве / С.И. Вершинина // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2016. – № 3.
- 30.Вершинина, С.И. О проблемах правового регулирования задержания подозреваемого / С.И. Вершинина // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 2 (17). – С. 28–32.
- 31.Вершинина, С.И. Обязательность порядка судопроизводства как основа российского уголовного процесса / С.И. Вершинина // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 4 (19). – С. 19–21.
- 32.Вершинина, С.И. Обязательность порядка судопроизводства как гарантия осуществления правосудия по уголовным делам / С.И. Вершинина// Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика: матер. V Междунар. науч.-практ. конф. 11–13 апреля 2013 г. / отв. ред. Т.К. Рябинина [и др.]; Юго-Зап. гос. ун-т. – Курск, 2013. – С. 42–48.
- 33.Вершинина, С.И. О системе правонарушений по российскому праву/ С.И. Вершинина // Правонарушение и юридическая ответственность: Материалы международной научно-практической конференции, Тольятти, 11–12 октября 2013 года / отв. ред. Р.Л. Хачатуров. – Тольятти: Изд-во ТГУ, 2013. – С. 15–24.
- 34.Вершинина, С.И., Мычак, Т.В. О понятии правонарушения в российском праве / С.И. Вершинина, Т.В. Мычак // Правонарушение и юридическая ответственность: Материалы международной научно-практической конференции, Тольятти, 11–12 октября 2013 года / отв. ред. Р.Л. Хачатуров. – Тольятти: Изд-во ТГУ, 2013. – С. 24–29.
- 35.Вершинина, С.И. О месте и роли суда в осуществлении публичной власти/ С.И. Вершинина // Всероссийская научно-практическая конференция «Уголовная политика и правоприменительная практика» 1 ноября 2013 г. в Санкт-Петербурге / Сост. Е.Н. Рахманова. – СПб.: Петрополис, 2013. – С. 181–185.

- 36.Вершинина, С.И. Обязательность уголовного судопроизводства как гарантия осуществления и исполнения процессуального порядка / С.И. Вершинина // Права человека и правоохранительная деятельность: тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 13 дек. 2013 г.) / учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». – Минск: Акад. МВД, 2013. – С. 35–38.
- 37.Вершинина, С.И. О проблемах правовой регламентации уголовно-процессуального задержания подозреваемого / С.И. Вершинина // Проблема правосубъектности: современные интерпретации. Материалы международной научно-практической конференции. 24 февраля 2012 г. – Самара. – 2012. – Выпуск 10. – Часть 2. – С. 104–107.
38. Вершинина, С.И. К вопросу о соотношении уголовно-процессуальной и правоохранительной деятельности / С.И. Вершинина // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2012. – № 1. – С. 17–19.
- 39.Вершинина, С.И. К вопросу об объективности суда в уголовном судопроизводстве / С.И. Вершинина // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Современные проблемы судебного права», посвященной 80-летию со дня рождения профессора А.П. Гуськовой, 7–8 декабря 2012 г., г. Оренбург. – Оренбург : Университет. – 2012.
- 40.Вершинина, С.И. О форме и содержании государственного принуждения / С.И. Вершинина // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе. Материалы международной научно-практической конференции. 29–30 сентября 2011 г. – Краснодар: Издательский дом «Юг», 2012. – С. 408–411.
- 41.Вершинина, С.И. Юридическая обязанность как объект охраны / С.И. Вершинина // Проблема правосубъектности: современные интерпретации: Материалы международной научно-практической конференции 25 февраля 2011 года в г. Самара. – Самара: Изд-во Самар. гуманит. акад., 2011. – Вып. 9. – С. 125–129.
- 42.Вершинина, С.И. О соотношении видов государственного принуждения и противоправных деяний / С.И. Вершинина // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2011. – № 4 (7). – С. 15–17.
- 43.Вершинина, С.И. Понятие публичной власти и ее взаимодействие с государственным принуждением / С.И. Вершинина // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – № 1 (1). – 2010. – С. 8–12.
- 44.Вершинина, С.И. К вопросу о толковании норм права / С.И. Вершинина// Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2010. – № 2 (2). С. 36–39.
- 45.Вершинина, С.И. Правовые основания применения мер государственного принуждения / С.И. Вершинина // Вектор науки Тольяттинского

- государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2010. – № 3 (3). – С. 38–41.
46. Вершинина, С.И. Уголовное судопроизводство: правоохранительная или судебная деятельность? / С.И. Вершинина // Актуальные проблемы правосудия в современном мире: Материалы международной научно-практической конференции. – Челябинск: Изд-во РЕКПОЛ, 2010. – С. 168–173.
47. Вершинина, С.И. О теории принуждения в правовой науке / С.И. Вершинина // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Специальный выпуск «Правоведение». – 2009. – № 2 (5). – С. 25–30.
48. Вершинина, С.И. Юридическая ответственность как вид государственного принуждения / С.И. Вершинина // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Специальный выпуск «Правоведение». – 2009. – № 5 (8). – С. 23–30.
49. Вершинина, С.И., Мычак, Т.В. К вопросу о юридическом понятии правонарушения / С.И. Вершинина, Т.В. Мычак // Правонарушения и юридическая ответственность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 3–4 декабря 2009 г. – Тольятти: Изд-во ТГУ, 2009. – С. 29–34.
50. Вершинина, С.И. Субъекты уголовно-процессуального принуждения // Материалы 1-й научно-практической конференции «Актуальные проблемы правотворчества и правоприменения» в г. Тольятти, 15 июня 2007 г. – Самара : Изд-во «Универс групп», 2008. – С. 32–39.
51. Вершинина, С.И. Проблемы правового регулирования процессуального статуса адвоката / С.И. Вершинина // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: Межвузовский сб. научных статей // под ред. проф. В.А. Лазаревой. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2008. – С. 95–104.
52. Вершинина, С.И. Основы уголовного процесса / С.И. Вершинина // Правоведение : учебное пособие ; под ред. проф. Р.Л. Хачатурова – Тольятти, 2008. – Изд-во ТГУ. – Глава 14. – С. 366–384.
53. Вершинина, С.И. Государственное принуждение: понятие, субъекты, форма и содержание / С.И. Вершинина // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Специальный выпуск «Правоведение». – 2008. – № 1 (1). – С. 72–75.
54. Вершинина, С.И. Тезисы выступления на Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства и практики применения (к 5-летию УПК РФ), 16–17 ноября 2006 года в г. Москва/ С.И. Вершинина. – М. : Изд-во МГЮА, 2007. – С. 266–269.
55. Вершинина, С.И. К вопросу о понятии уголовно-процессуального принуждения / С.И. Вершинина // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: Межвуз. сб. научных статей ; под ред. проф.

- В.А. Лазаревой. – Самара : Изд-во «Самарский госуниверситет», 2007. – Вып. 2. – С. 106–114.
- 56.Вершинина, С.И. К вопросу о понятии уголовно-процессуального принуждения / С.И. Вершинина // Материалы международной научной конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики». Правоотношения и юридическая ответственность. – Тольятти. – 2005. – С. 176–180.
- 57.Вершинина, С.И. Залог как мера пресечения / С.И. Вершинина// Юридическая энциклопедия; под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. – Тольятти, 2004. – Т. 3 – С. 35–46.
- 58.Вершинина, С.И. К вопросу об участии суда в доказывании/ С.И. Вершинина // Материалы международной научной конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики». Часть 2 «Правоотношения и юридическая ответственность», Тольятти, 21–24 апреля 2004 года. – Тольятти, 2004. – С. 175–180.
- 59.Вершинина, С.И. К вопросу о системе мер пресечения / С.И. Вершинина// Атриум. Серия «Юриспруденция». Межвузовский сборник научных статей. – Тольятти. – 1997. – № 1. – С. 31–35.
- 60.Вершинина, С.И. О совершенствовании системы мер пресечения/ С.И. Вершинина // Атриум. Серия «Юриспруденция». Межвузовский сборник научных статей. – Тольятти. – 1997. – № 3. – С. 20–24.
- 61.Вершинина, С.И. Доктрина и практика применения залога в России (краткий исторический обзор) / С.И. Вершинина // Атриум. Серия «Юриспруденция». Межвузовский сборник научных статей. – Тольятти. – 1996. – № 6. – С. 52–55.
- 62.Вершинина, С.И. Место залога в системе мер пресечения / С.И. Вершинина // Атриум. Серия «Юриспруденция». Межвузовский сборник научных статей. – Тольятти. – 1995. – № 3. – С. 45–46.